

КУНАШИР: ЗАЛИВ ИЗМЕНЫ

Головнино

16 сентября 2019 года. На машине Южно-Курильского лесничества едем в Головнино — село на юге острова Кунашир (54 км от райцентра) — самого южного острова Большой Курильской гряды¹.

Население села около 150 человек.

Туман и мрачная погода не препятствуют достижению цели путешествия — описать, насколько это вообще возможно в течении дня, имеющиеся здесь исторические и природные достопримечательности.

До 1946 года село называлось Томари, что в переводе с айнского означает "пристань, бухта, гавань, якорное место", равно как и залив, на берегу которого оно расположено. После Советско-японской войны перешло под управление Советского Союза и указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 15 октября 1947 года было переименовано в Головнино — в честь русского мореплавателя и путешественника, вице-адмирала Василия Михайловича Головнина (1776-1831), взятого здесь в японский плен в 1811 году.

Оставляем подробности детства и юношества В. Головнина для изучения самими читателями и обратимся к событиям, которые привели его самого и его сотоварищей в начале 18-го века на Дальний восток.

В. Головнин окончил Морской кадетский корпус в 1792 году. С 1795 по 1801 годы участвовал в ряде походов и сражений русского флота за границей. В 1807 году в чине лейтенанта был назначен правительством за опыт и познания командиром шлюпа "Диана" (водоизмещение 300 тонн) и руководителем кругосветной экспедиции, перед участниками которой стояли следующие задачи: совершить плавание к русским владениям в Северной Америке с целью гидрографических исследований в этой части Тихого океана, изучить береговой рельеф Камчатки, Курил, Аляски, открыть судоходные реки, по которым можно

---

¹ Участники экспедиции: П.Н. Пасюков и А.И. Здориков – члены Сахалинского областного отделения Русского географического общества

проникать в глубь этих малоизвестных тогда земель, преимущественно в пределах российских владений, а также доставить грузы в Охотск и Петропавловск-Камчатский.

Исследования молодого лейтенанта имели целью обеспечить дальнейшее освоение российских владений в северной части Тихого океана и укрепление их безопасности. Экипаж "Дианы" был тщательно подобран самим капитаном. Своим помощником он избрал капитан-лейтенанта Петра Ивановича Рикорда.

В апреле 1808 года в Саймонстауне (Южная Африка) шлюп был задержан на длительное время англичанами из-за начавшейся Русско-английской войны, хотя имел разрешение английского правительства на проведение исследовательских работ в британских водах.

Осенью 1809 года шлюп достиг цели — прибыл на Камчатку и приступил к проведению запланированных исследований.

В 1811 году произведенный к этому времени в капитан-лейтенанты Головнин во время гидрографических работ у острова Кунашира был вынужденный войти в гавань Томари из-за непогоды, а также для пополнения продовольствия и воды, где был обвинён в нарушении принципов сакоку и захвачен японцами в плен вместе с мичманом Федором Муром, штурманским помощником Андреем Хлебниковым и четырьмя матросами — Симоновым, Макаровым, Шкаевым и Васильевым.

Сакоку — внешняя политика самоизоляции Японии от внешнего мира, которая проводилась сёгунами из рода Токугава в течение двух столетий (с 1641 по 1853 год). По японским законам всех иностранцев, приходящих к японским берегам (кроме Нагасаки) надлежало брать в плен и держать вечно в неволе.

По одной из версий, причиной задержания было связано с событиями 1806-1807 годов, известными как «Инцидент Резанова — Давыдова — Хвостова — эпизоды военных инцидентов с атаками на японские промыслы и селения на Сахалине и Итурупе».

Крепость в Томари (современное село Головнино), где содержались в неволе русские подданные, находилась на правом берегу реки Головнинки в западной части населенного пункта. От поставленной японцами когда-то на месте торгового поста крепости со складами и пушками к настоящему времени не сохранилось ничего, так же как от более поздних японских и советских построек.

О планировке японской крепости в Томари можно судить по нескольким рисункам, а также изображениям плененных русских моряков, сделанным самими японцами и доступным исследователям.

Луговина укрыта жесткой травой с разъезжающимися дорогами и узким каналом реки, стекающей со склонов невидимого в тумане вулкана Головнина (541 м) в залив Измены, с мостом и какими-то обломками в её русле. Выйти из машины и рассмотреть подробности места не представляется возможным из-за дождя, сопровождавшего нас в течение всего дня.

Плен Головнина и его сотоварищей, начавшийся на Кунашире, продолжался затем в тюрьме Хакодате. Управляющий крепостью Томари, опасаясь десанта, который на самом деле в силу малочисленности экипажа "Дианы" был невозможен, отправил пленников лодками на Хоккайдо, где после пятидесятидневного пребывания в Хакодате Головнина и его сотоварищей перевели в поселок Матсмай, находящийся восточнее Хакодате, где вновь заключили в тюрьму.

"Японцев интересовало буквально все, начиная с отплытия из Петербурга, — отмечал впоследствии Головнин. — Зачем пошли, где плавали и зимовали, как увиделись с японцами и пр. <...>. Любопытство японцев коснулось нашей веры и значения обрядов богослужения, о том, как русские хоронят мертвых, над могилами ставят кресты или другие памятники <...>. Настаивали на написании на особых листах за себя и за матросов послужных списков. При этом они просили писать как можно подробнее, не выпуская даже самого малейшего происшествия".

В свою очередь, все, что наблюдал Головнин во время прогулок и узнавал из разговоров со стражей, он заносил с большой осторожностью в свой оригинальный журнал из ниток, облегчавший ему запоминание. Каждому примечательному событию в этом "журнале" соответствовали нитки определенного цвета, которые выдергивались из манжет, подкладки мундира или шарфа.

"Записки флота капитана Головнина о приключениях его в плену у японцев в 1811, 1812 и 1813 годах с приобщением замечаний его о японском государстве и народе" были изданы в 1816 году, которые появились благодаря этому дневнику. Они впоследствии были переведены на многие европейские языки. По сути, это был первый обстоятельный труд об укладе жизни и государственном устройстве Японии, о их культуре, выполненный нашим соотечественником.

В свою очередь в Японии было немало людей, государственных деятелей и ученых, которые старались изучить русский язык, стремились восполнить свои знания о России, в том числе и в беседах с Головниным.

Оставшийся за командира шлюпа лейтенант П. Рикорд (1776-1855), помощник и товарищ Головнина, всячески добивался освобождения своего командира при участии Такадая Кахэя — японского коммерсанта, благодаря которому маленькое торговое поселение на северном японском острове Хоккайдо превратилось в город Хакодате. 1 (13) октября 1813 года, через 2 года 2 месяца и 26 дней, проведённых в тюрьме, Головнин и его подчинённые были освобождены и возвратились в Россию.

Об этих событиях свидетельствуют **«Записки флота капитана Рикорда о плавании его к Японским берегам в 1812 и 1813 годах и о сношениях с японцами.** СПб., 1816 (2-е изд.: СПб., 1851, 3-е изд.: СПб., 1875).

Названия пролив Измены и залив Измены дал старший офицер шлюпа "Диана" Рикорд в 1813 году в память о драматических событиях в истории российско-японских отношений, связанных с экспедицией Головнина. Известный курильский краевед Федор Пыжьянов считал, что "такое название в смысловом значении не очень точно отражает события того времени".

Шлюп "Диана", пришедший в несостояние бороться с океанскими волнами после трудов и опасных плаваний, был оставлен в Петропавловской гавани, откуда моряки сухопутным путем через Сибирь отправились в Петербург.

В 1817-1819 годах состоялось второе кругосветное путешествие Головнина. На этот раз на шлюпе "Камчатка". Он побывал на Камчатке, Командорских, Алеутских островах, в Северной Америке, на Гавайских, Марианских и Филиппинских островах, о которых также оставил путевые заметки, предназначенные как для широкого круга читателей, так и непосредственно моряков.

В 1821 году капитана-командора Головнина назначили помощником директора Морского корпуса, в 1823 году генерал-интендантом флота, вице-адмиралом. Не жалея сил, Василий Михайлович трудился над созданием мощного русского флота. Его труды не пропали даром. В течение только восьми лет под его руководством на балтийских и архангельских верфях было построено 26 линейных кораблей, 26 фрегатов и множество мелких судов, а также 10 первых в России пароходов.

Во всех своих начинаниях Головнин проявил себя как замечательный мореплаватель и ученый, историк и географ, экономист и лингвист, кораблестроитель

и навигатор, этнограф и военно-морской теоретик, философ и литератор, государственный и общественный деятель.

На здании головнинского сельского дома культуры висит табличка, свидетельствующая о событиях давно минувших лет.

Именем Головнина также названы вулкан, поселок и бухта на Кунашире, пролив между Курильскими островами, река, гора на Камчатке, залив, лагуна и город Головин (ранее Головнин) на Аляске, а также ряд более мелких объектов.

К слову, на одном из выездов на трассу Южно-Курильск — Головнино на указателе также допущена неточность.

Именем Головнина в Южно-Сахалинске назван сквер. В 1999 году в Хакодате возведён памятник русско-японской дружбе в память дружеских отношений Головнина, Рикорда и Такадая Кахэя. Отмечены на географической карте Кунашира и соратники Головнина. Так, в непосредственной близости от Головнино протекают речки Рикорда и Хлебникова.

В знак признания заслуг Такадая Кахэя в мирном разрешении инцидента Головнина и создании важного прецедента решения сложных межгосударственных конфликтов на основе дружеских отношений и взаимного доверия одна из горных вершин на Камчатке получила название Скала Кахэя (Кахэя). В совокупности с горой Головнина и горой Рикорда они образуют так называемые "вершины русско-японской дружбы" в природном парке Налычево.

— Японцы в Головнино приезжают?

— Приезжают на могилы предков. Наше и японское кладбища рядом.

Остатки империи

В ходе Советско-японской войны 1945 года японцы покинули Курильские острова, но продолжают оспаривать их принадлежность.

Могилы предков на Кунашире, Итурупе и островах Малой курильской гряды японцы посещают с 1986 года, прибывая теплоходами. Первый авиарейс в рамках безвизового посещения памятных мест на Курильских островах гражданами Японии был выполнен в сентябре 2017 года, второй рейс — в июле 2018 года, третий — в августе 2019 года. Особенностью данных рейсов, является то, что они были выполнены в аэропорт Менделеево (Кунашир), где был органи-

зован временный пункт пропуска через государственную границу. Рейс организован в соответствии с межправительственным соглашением между Россией и Японией.

В северо-восточной части села находится старое японское кладбище. Японцы при посещении совершают молебен — ритуал поминовения по усопшим согражданам, когда-то проживавшим в селе Головнино (бывшее Томари). Оно окружено земляным валом.

В проекции представляет большой прямоугольник, который делится на прямоугольники меньших размеров. Самым распространенным способом погребения у японцев является кремация. Прах переносили в урну, а затем останки покойного хоронили в семейно-родовом захоронении. Считается, что после смерти покойник не покидает свою семью, а продолжает быть её членом, но будучи в новом состоянии на высшей ступени семейно-родовой иерархии.

После репатриации японцев люди растаскивали камни, в общем как и все необычное, экзотическое.

Пытаемся прочесть надписи на нескольких сохранившихся памятниках, но безуспешно.

Во время церемонии покойному присваивалось новое буддийское имя — каймё. Это позволяло не тревожить душу умершего, когда упоминалось его настоящее имя. Для посмертного имени выбирали древние кандзи, сложные в прочтении и не использовавшиеся в обычных именах.

Об остатках японской колокольной башни (суро), стоявшей когда-то у бывшего здесь буддийского храма, мы слышали накануне поездки от сотрудницы Южно-Курильского краеведческого музея. Отправляемся в указанном направлении и утыкаемся в забор частного предприятия и груды каменных обломков в зарослях травы рядом.

Киргиз, работающий по найму на сборе водорослей, на вопрос, где находится японская колокольная, разводит руками.

Влезаем в обнаруженную неподалеку узкую прорезь дороги, уходящей на запад в сторону упраздненного поселка Палтусово. Глубокие промоины вызывают сомнения в успешности мероприятия. Наконец дорога сдается настойчивости водителя и пропускает нас на ровную, заросшую травой и деревьями площадку, где находятся остатки японского культового сооружения.

В ста метрах пограничная застава.

Как и все буддийские храмы в Японии, храм в Томари были построен из дерева. Эта особенность дальневосточного зодчества обусловлена сейсмической активностью на островах. Храмовый комплекс занимал участок земли в виде прямоугольника, на что указывают остатки "священной рощи" — несколько хвойных деревьев, традиционно окружавших храмовые территории. Сохранилось расширяющееся книзу бетонное основание колокольни размером 5х5 м высотой до 2 м с наружной лестницей, ведущей на верхнюю площадку, где располагался колокол. С одной из сторон находится пустой дверной проем, через который можно проникнуть внутрь основания. Четыре опорных столба, удерживают потолочное перекрытие — оно провисло и, кажется, вот-вот провалится внутрь. Ниши в стенах и одна, особенно глубокая, — в полу, которые, вероятно, служили для размещения культовых предметов, забросаны мусором. Разрушившийся в некоторых местах бетон, указывает на то, что основание построено с использованием морской гальки.

Местные жители убеждены, что в этом "подвале" под "пьедесталом" японцы держали Головнина.

Навес состоял из опорных столбов и перекладин с покатой крышей и декоративным оформлением козырька. В колокол японцы били подвешенным деревянным маятником. Колокольня использовалась не только в ритуальных целях, но и для подачи звуковых сигналов, позволяя местным рыбакам в густом тумане благополучно добраться до берега.

Трава мокрая от дождя. Обувь темнеет от влаги.

Не сразу замечаем стоящего на дороге старшего лейтенанта — пограничника, который подошел узнать, кто мы и что тут делаем...

Советская история

Игорь — из головнинских аборигенов. Живет в Южно-Курильске.

— Япония под боком. С мыса Ивановского, когда тумана нет, в бинокль можно наблюдать, как японские коровы пасутся, машины ездят. Всё тут рядом, близко. Хоккайдо — равнинный пейзаж, песчаные косы. Был случай, что переплывали. Рыбака как-то унесло к японцам на резиновой лодке. Уснул прямо на работе во время промысла — утомился. Береговая охрана выследила и выловила его. Время коммунистическое — шумиха поднялась невероятная. Строгости сразу стало больше. Всех, даже тех, кто на плотках и бочках плавал у берега, пограничники тут же вылавливали, оформляли протоколы и выписывали штрафы.

В свое время в Головнино анфельцию добывали, отправляли на агар-агаровый завод в Корсаков. Работяги драгой водоросли подрывают, затем рыбонасосом втягивают на плашкоут, вилами укладывают, будто сено скирдуют. Ловили на расстоянии 2-2,5 км от берега. Сначала от берега ловят, потом дальше уходят. На берегу промывают пресной водой, чтобы соль сошла.

Колхоз богатый был — в 1970-х годах ихтиологов вызывали, чтобы запасы сосчитать. Ученые определяли, в каком квадрате надо анфельцию собирать, а в каком подождать — этот квадрат, этот. Рыбинспекция процесс контролировала. Анфельции там всегда было полно. Когда ловить перестали, её буртами выкидывало на берег...

Капусты морской поначалу совсем не знали, ни с какой стороны. Ихтиологи, когда приехали, нас спрашивают: "Почему вы не пользуетесь морскими отбросами для удобрения огородов. В четыре раза морская капуста богаче навоза микроэлементами", — сказали. Слух по селу про это быстро прошел, на берегу залива за водорослями очередь выстроилась.

Гребешок собирали — раньше по отливу его много выкидывало. Сто метров прошел — ведро. Колхозу лимит давали 50 тонн. Говорили — "правительственный заказ, остальное не трогайте". Почему не разрешаете? "Чрезвычайный запас, — говорят, — на случай войны". Умный подход, на самом деле. Спизулу тоже брали умеренно. Сейчас её нет вовсе, также как и гребешка — мертвое море. Бездарно разорили все. Принципом руководствовались: "бери больше — карман толще". Нет сейчас ни гребешка, ни спизулы, ни креветки, ни минтая, ни горбуши.

— Буксирами плашкоуты таскали — жуками называли. И вдоль берега, и в открытом океане. Ходили на Шикотан, Итуруп, на Сахалин мотались. С Сахалина с Корсаковской базы океанического рыболовства я как-то контейнер-пятитонник с пиломатериалами взялся отправить в Южно-Курильск. С капитаном буксира договорился о перевозке. "И меня возьми", — ему говорю. "Залезай", — отвечает капитан. Поставили контейнер и пошли. Идем потихоньку, небо темнеет. Видимость ухудшается. Борта — вот такой высоты, от привального бруса меньше метра — океан достать рукою можно. "А если шторм, куда будем деваться?", — спрашиваю. Капитан отвечает: "А ты видишь сопку — вон вдалеке, за ней спрячемся". Спать лег, проснулся, а мы и половины пути не прошли до этой сопки. Круглых трое суток шли. На Камчатку ходили — ни локатора, ничего — одни эхолоты.

Знаменитый был буксир. Мы на нем Павла Артемовича Леонова — первого секретаря Сахалинского обкома КПСС возили. Он крепко заботился о рыболовном и транспортном флоте, да и обо всем другом.

Раньше рыбколхоз "Родина" участки распределял. По тихоокеанской стороне десяток неводоов ставили. После того, как рыбколхоза не стало, все в тартарары пошло-поехало, ловить стали все и всюду. Там, где я раньше видел 10 неводоов, насчитал 49. Практически рыба вообще не стала попадать в нерестовые реки. Вот и результат. Думаю, что в скором времени и на Сахалине её не будет.

— Да её и нет там.

— Вот-вот. Срочную военную службу проходил в Туруханском районе Красноярского края. Ходил в увольнительную рыбачить. "Куда?" — спрашивает офицер. "Пойду, порыбачу на Енисее". Познакомился с охотниками-эвенками. У одного из них дочка, тоже рыбачка. Енисей — красивая река, мощная, хорошая. Солдат-срочников рыбными консервами кормили — салакой, сайрой. Эвенки зимой собираются на охоту, я им накануне ящик консервов вместе с товарищами собираю и несую. Они мне вяленой стерляди взамен и всякой другой рыбы приносят. Приду в часть и товарищей угощаю. Сейчас и там рыбы нет, говорят. Не верится мне что-то, что её там тоже всю переловили.

До этого года везде можно было поймать красной рыбки. Сейчас остатки добываем, наперегонки с лисами, медведями, воронами.

Туристам тут тоже ловить нечего. Вряд ли кто-то восстановит рыбью массу в таком количестве, как раньше, — никогда. Хотя на Итурупе, пишут, лосось все ещё идет. Наверное, потому что там остались ещё такие дикие места, куда браконьерам не дойти, поэтому рыба спокойно нерестится.

Дети на рыбе выросли. В неделю раз не поедят — тоска в желудке. Привыкли. Рыба всегда была тут основным продуктом. Южно-курильский рыбокомбинат прошлый год и до этого два-три года подряд места, где минтай нерестится, наладился тралить. Даже морской капусты теперь там нет. Когда нерест начался, зачем тралите? Не видать этой рыбы больше, да и нереститься негде. Отловись до икры и все — остановись. С красной рыбой расправились, за минтай взялись.

На Камчатку рыба подалась, говорят.

Раньше кунджу ловил в заливе Измены столько, сколько хочешь. Ложку обрезаю, просверливаю отверстие для лески, к ней крючок подцепил, и все —

блесна готова. Сейчас люди в магазинах профессиональные снасти покупают, а ловят одну-две-три штуки. Рыбы, как раньше, теперь нет.

Лет шесть-семь назад в Китае был — в Даляне, за здоровьем ездил. Подошел к спиннингистам — китайцы то ли карасиков ловят, то ли ещё что. "А у нас на Курилах вот такие — говорю я им, и руки широко развожу. Переводчик из китайцев передает рыболовам то, что я сказал. Потом ко мне поворачивается: "И у нас большая рыба была. Подождите, и вы скоро такую будете ловить". Так и случилось.

— Производства нет. Кто в библиотеке работает, кто в магазине, на электростанции. Все свое было. Себя снабжали и в райцентр возили. Народу много было — и в Головнино, и в Дубовом (село было образовано на базе отделения совхоза "Дальний" Головнинского сельсовета. Название дано по дубовым рощам в окрестностях села, находится в 42 км от райцентра — прим. автора). Фермы стояли большие — коровы, телята, свиньи. Птичники. Поля здоровенные — сажали лук, морковку, капусту, свеклу. Картошку не знали, куда девать. Все гремело, все работало. Сметану, творог делали. Медали давали за трудовые успехи — теперь нет ничего.

В Дубовом школа есть маленькая на 20 человек, раньше дубовские в Головнино ездили учиться, теперь наоборот.